

М. Б. Мирский

"РУССКАЯ АКЦИЯ"

(Из истории российского медицинского зарубежья)

НИИ социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением им. Н. А. Семашко РАМН, Москва

История российского медицинского зарубежья — одна из актуальных историко-медицинских проблем нашего времени. В 1920—1941 гг. российское медицинское зарубежье особенно плодотворно действовало в славянских странах — Чехословакии, Болгарии, Югославии, Польше. Самый большой интерес представляет Чехословакия, где в 1921 г. была задумана и осуществлена широкая помощь русской эмиграции, получившая название "Русская акция".

Среди сотен тысяч людей, оказавшихся после гражданской войны за границами России и составивших впоследствии российское зарубежье, было много молодежи. Бывшие студенты российских университетов, только-только окончившие курс гимназисты, недавние юнкера и выпускники военных училищ — все эти молодые люди оказались за границей ненужными, лишними. Но ведь сознательная жизнь этих вчерашних солдат и офицеров только начиналась; чтобы стать на ноги, им необходимо было получить специальность, продолжить образование. Как это сделать не имея ни гроша в кармане?

Вот тут-то и разнеслась весть, взволновавшая молодых эмигрантов: в Чехословакию — молодом, недавно возникшем государстве западных славян — будут учить русских студентов.

Действительно, в 1921 г. в Чехословакии была задумана и осуществлена широкая помощь русской эмиграции, получившая название "Русская акция". Ее поддержали самые авторитетные тогда в Чехословакии политические деятели — первый премьер-министр независимой республики К. Крамарж, первый президент Т. Масарик, министр иностранных дел Э. Бенеш. Министерство иностранных дел непосредственно курировало "Русскую акцию".

В Праге уже в октябре 1921 г. были основан Комитет по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой республике и Комитет по обеспечению украинских студентов (вскоре они слились в один комитет). Эти комитеты распределяли будущих студентов по учебным заведениям в Праге, Брно, Братиславе и Пшибраме.

В Праге было открыто несколько специальных русских институтов: Русский юридический факультет (работал под патронатом юридического факультета Карлова университета), Русский педагогический институт им. Яна Амоса Коменского, Русский институт сельскохозяйственной кооперации, Русский институт коммерческих знаний, Русский народный университет (впоследствии Русский свободный университет), Русское высшее училище техников. Подготовка врачей проводилась на медицинских факультетах чехословацких университетов — Карлова университета в Праге, университета им. Масарика в Брно и университета Коменского в Братиславе: обучение происходило на чешском или словацком языках¹.

В 1922 г. в Чехословакию училось 1500 русских и 774 украинца, а в 1924 г. — 3240 и 1500 соответственно. Общее число студентов из России в 1923—1924 гг. колебалось от 4200 до 4000. Среди русских украинцев были и те, кого по старой привычке именовали инородцами — грузины, армяне, калмыки. Затем число студентов из России начало сокращаться: в 1928 г. их оставалось уже около 1800, а в 1931—1932 гг. обучение русских студентов завершилось².

Большинство молодых людей выбрали себе инженерно-технические и гуманитарные специальности. Что касается медиков, то они составили от 8 до 10% от общего числа студентов.

Интересно, что более половины будущих врачей прибыли в Чехословакию из Константинополя, остальные — с Дальнего Востока, из Болгарии, Югославии, Греции, Франции, Польши и других мест, где оказались русские эмигранты; около пятой части из них были донскими и кубанскими казаками³.

Вскоре выяснилось, что здоровье многих русских студентов оставляет желать лучшего. Среди них оказалось немало физических и психических инвалидов, получивших в годы первой мировой и гражданской войн ранения, перенесших болезни и психические травмы; выделялись больные туберкулезом. При-

шлось срочно организовать для них медицинскую помощь. А заботу о тех, кто страдал туберкулезом, взял на себя Чехословацкий Красный Крест (председатель — доктор Алиса Масарик): студентов посылали в специальные санатории, создали для них несколько летних колоний в горных и лесных районах. Все это благотворно сказалось на их здоровье. Что касается будущих врачей, то среди них большинство составляли зрелые 30-летние люди; кроме того, среди них было немало и бывших студентов российских университетов. Всем им пришлось сначала основательно изучить чешский и словацкий языки (что впоследствии очень пригодилось), а затем уже взяться за медицинские науки.

Высшее образование русские получали на чрезвычайно льготных условиях. Обучение было бесплатным — все расходы взяло на себя чехословацкое государство. Каждому студенту платили стипендию — она составляла от 450 до 580 крон в месяц: семейные получали прибавку на жену и детей. Их бесплатно снабжали одеждой. Было создано несколько студенческих общежитий, медики, например, жили в "Свободаре", недалеко от Карлова университета. Студентам давали книги, тетради, учебные пособия, бесплатные билеты на трамвай⁴.

В общем по подсчетам, проведенным в 1933 г. в Париже центральным комитетом по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей, в Чехословакии на обучение русских студентов было израсходовано не менее 120 млн франков — почти в 2 раза больше, чем во всех других странах (Югославия, Франция, США, Бельгия, Болгария, Германия), вместе взятых⁵.

Правда, в Чехословакию после гражданской войны попало немало русского золота — его вывезли чехословацкие legionеры, бывшие союзники белогвардейцев и эвакуировавшиеся из России по Транссибирской железной дороге. В Праге на эти средства был основан "Легионбанк" — один из крупных банков Чехословакии. "Тема о русском золотом запасе всплывала при разных условиях и в разной обстановке, — писал один из русских эмигрантов, — и тогда часто делались ссылки на широкую помощь русским эмигрантам. Вот, мол, русское золото и пошло на помощь русским людям, попавшим в беду"⁶.

По нашему мнению, вопрос о русском золоте ни в коей мере не дискредитирует "русскую акцию"; сами эмигранты считали, что эта была "великодушная и щедрая помощь чехословацкого народа и правительства русскому зарубежью и его культурным начинаниям"⁷.

За 10—12 лет в Чехословакии окончили высшие учебные заведения не менее 3 тыс. русских студентов, в их числе было около 300 врачей. Для сравнения можно отметить, что во Франции за то же время получили врачебные дипломы 75 студентов их России, в Югославии — около 90, в Германии — 20⁸.

Большинство студентов-медиков учились в Карловом университете в Праге. Это были В. В. Петров и И. И. Копецкий, М. М. Лысенко и Ф. Н. Демидов, А. П. Орлов и Г. А. Альтшуллер, Н. А. Келин и В. Д. Моригеровский и многие другие. Однако русские студенты обучались и на медицинских факультетах других университетов Чехословакии — в Брно в университете им. Масарика (Б. Синицын, Е. Траклина, И. Шматков и др.) и в Братиславе в университете им. Коменского (А. Троянов, Н. Коровин, Л. Ткаченко и др.).

Правда, среди учившихся в Чехословакии русских студентов встречались и одиозные личности. Таким был, например, учившийся в Карловом университете П. Т. Горгулов. В начале 30-х годов, уже будучи врачом, он приехал из Праги в Париж и в пригороде Парижа незаконно занимался врачебной практикой — тайно лечил от венерических болезней. Но основное внимание Горгулов уделял политике, объявив себя сначала со-

⁴Руднев В. В. Русское дело в Чехословацкой Республике. — 1924. — С. 41.

⁵Русская молодежь в высшей школе за границей. — Париж, 1993. — С. 39.

⁶Мейснер Д. И. Миражи и действительность. — М., 1966. — С. 135.

⁷Русский врач в ЧСР. — 1936. — № 12. — С. 506.

⁸Русская молодежь... — С. 47, 50.

¹Русские в Праге. — Прага, 1928. — С. 84—111.

²Там же. — С. 76.

³Русский врач в ЧСР. — 1937. — № 4. — С. 100.

циалистом, а затем фашистом какой-то особой масти. За нелегальную медицинскую помощь его выслали из Франции. Из Парижа он попал в Монако и там сразу же проиграл в рулетку привезенные деньги. После этого побуждаемый геростратовой славой решил на убийство президента Франции Поля Думера. В 1932 г. Горгулов убил президента и был приговорен французским судом к смертной казни.

Это, разумеется, был экстраординарный случай.

Получившие диплом чехословацких университетов русские врачи владели чешским и словацкими языками. Многие нашли здесь свое личное счастье. Наконец, в 1931 г., на 10-й год пребывания в республике, большинство из них приняли чехословацкое подданство. Все это значительно облегчило молодым русским врачам "вхождение" в повседневную жизнь, получение врачебной практики, заключение контрактов с больничными кассами и пр. "Русские врачи в Чехословакии оказались... в особенно благоприятных условиях", — констатировал русский эмигрант В. З. Маркович⁹. Это понимали тогда все врачи. "Мы остаемся всегда глубоко благодарны братскому чешскому народу за то, что он накормил нас, когда мы были голодны, и приютил нас, когда нам некуда было приклонить голову, — торжественно заявляли русские врачи в год 20-летнего юбилея Чехословацкой Республики (1938). — Мы, чехословацкие граждане, проживающие в республике почти все время ее существования и кровно связанные своими детьми с чешским народом, можем искренне радоваться его радостью". Однако, не скрывая своих патриотических чувств, они тут же добавляли: "Но мы имеем и никем неотъемлемое право оплакивать свою потерянную родину и болеть за нее сердцем, не скрывая этого... Сохраним краеугольным камнем нашей общественной деятельности преданность чехословацкому народу и республике и горячую неутомимую любовь к страждущим нашей матери — России!"¹⁰

Эти двуединные чувства — любовь к России и преданность Чехословакии — послужили, очевидно, главной причиной того, что молодые врачи решили в 1934 г. создать свое общество. Они назвали его "Союз русских врачей — граждан Чехословацкой республики". В новый союз вошло 200 человек — примерно 80% всех русских врачей, живших и работавших в городах и селах Чехии и Моравии, Словакии и Подкарпатской Руси.

Тех врачей, которые после университета не остались в Чехословакии, судьба разбросала по разным странам. Так, выпускник Карлова университета П. Н. Сухов уехал сначала во Французскую экваториальную Африку, а потом в Бельгийское Конго. Во французские колонии в Африке отправились Н. Н. Головин, Н. Я. Брухан, в Манчжурию, в Харбин, уехал по окончании Братиславского университета Л. Н. Ткаченко. Были и такие, которые уехали на Ближний Восток, в Южную Америку и даже в "сладкую Францию". Некоторые, правда, впоследствии вернулись в Чехословакию.

Хотя большинство членов нового союза составляли молодые врачи, получившие образование в Чехословакии, в него вступили и некоторые врачи, получившие диплом в России, например, хирург Ф. Ф. Никишин — ученик харьковского профессора Н. П. Тринклера, а затем ассистент хирургической клиники Карлова университета, руководителем которой был проф. Кукула.

Председателем правления Союза русских врачей стал М. П. Полосин, членами — Ф. Н. Посужков и Б. Л. Яхнин, секретарем — Е. Ф. Дюков — все они были воспитанниками Карлова университета и жили в Праге. Были избраны и почетные члены союза: наряду с известными русскими учеными-эмигрантами проф. С. С. Абрамовым (Париж), проф. А. И. Игнатовским (Белгород) и проф. С. И. Метальниковым (Париж) ими стали чехословацкие ученые — недавние учителя русских врачей — проф. Ипраска (Прага), проф. Костливый (Братислава), проф. Кимла (Прага), проф. Острчил (Прага), проф. Пельнарж (Прага), а также эстонский нейрохирург проф. Л. М. Пуссеп и работавшие в Праге старые русские врачи И. Н. Альтшуллер и И. И. Крашенинников.

Главным в деятельности этого союза были чисто профессиональные вопросы, связанные с защитой интересов русских врачей; определенное место занимала и культурная работа. Политикой Союз русских врачей не занимался, хотя объективности ради следует отметить, что члены союза придерживались различных политических воззрений.

Союз русских врачей поддерживал тесный контакт с Союзом чехословацких врачей — все русские врачи входили в него¹¹. Председатель чехословацкого союза доктор Малик не-

изменно свидетельствовал позитивное отношение к русским коллегам и невмешательство в их внутренние дела.

Согласно установившемуся порядку, правление Союза русских врачей раз в год, после годовичного общего собрания, посещало старостат Союза чехословацких врачей. Когда в мае 1938 г. члены нового правления Б. С. Дегтев, И. Т. Камышинский и Ф. Г. Чекунов побывали у чехословацких коллег, доктор Малик в беседе спросил, как они относятся к представителям советской медицины и есть ли у них какая-либо связь с советскими врачами. Эти вопросы, видимо, не были случайными, Чехословакия еще в 1934 г. установила с Советским Союзом дипломатические отношения, а в 1935 г. заключила с ним договор о взаимной помощи. В 1938 г. в связи с ростом агрессивных притязаний фашистской Германии чехословацкое правительство стремилось к дальнейшему сближению с нашей страной.

Однако отношение русских эмигрантов к большевистскому режиму, как и отношение правящей сталинской верхушки к нашим соотечественникам за рубежом, не изменилось. Поэтому русские врачи откровенно ответили доктору Малику, что их союзу никакой связи с советскими врачебными организациями не имеет и не ищет. Это заявление было принято к сведению, причем доктор Малик указал на то, что чехословацкие врачи эту связь должны иметь; позиция Союза русских врачей, хотя и понятна, но является его частным делом¹².

Однако, несмотря на дружеские контакты с Союзом чехословацких врачей и главное на благожелательное отношение чехословацкого правительства, жизнь русских врачей была отнюдь не безоблачной. Временами возникали и давали знать какие-то коллизии, связанные с врачебной конкуренцией и заключением договоров с действовавшими тогда в Чехословакии больничными кассами. Возник, например, конфликт с пражской больничной кассой "частных чиновников", с которой были связаны русские врачи. Хотя они были чехословацкими гражданами, появились поползновения урезать их права как "бывших иностранцев" — в готовившийся тогда правительственный указ намеревались даже включить какие-то "ограничительные статьи". Однако к части чехословацкого правительства попытки ущемить права русских врачей были решительно пресечены. В демократической республике, с удовлетворением писала тогда печать, оказалось невозможным лишить человека прав за то, что он русский.

Свои заседания правление союза проводило обычно в кафе "Злата Гуса", расположенном на Вацлавской площади. Здесь обсуждались разнообразные вопросы, преимущественно профессиональные, а также материальные — о помощи семьям врачей и пр.

Бесспорно, молодые русские врачи во многом отличались от своих предшественников, получивших образование на родине, практиковавших в городах и селах России. Наше поколение гораздо практичнее своих отцов, отмечали они сами, но, конечно, практичность означает лишь более реальный подход к жизни, а отнюдь не голую меркантильность. Практичность не исключает высоких идеалов; и успех русских врачей в европейской среде, о котором нам приходилось неоднократно слышать, основан, конечно, на той традиции, которую молодой русский врач унаследовал от своих старших русских предшественников. Стремление к расширению своих знаний и к постоянному самоусовершенствованию — одно из важнейших слагаемых этой славной традиции.

Это стремление прослеживалось во всей их деятельности, в том числе и в занятиях научными исследованиями, хотя на научную стезю смогли ступить лишь некоторые из них, например, Ф. Н. Досужков, ставший доктором медицины и ассистентом Карлова университета, зарекомендовавший себя как видный ученый-невролог, автор около 100 научных работ. Однако и те, кто оставался практическими врачами, продолжали следовать славной традиции русских врачей, связанной с постоянным самоусовершенствованием.

Прагматизм молодых русских врачей сказывался в том, что сфера интересов их союза понемногу расширялась. Издавался и успешно русский медицинский журнал. В 1938 г. решено было открыть в Праге амбулаторию русских врачей, с этой целью намечалось создать частное акционерное общество, причем союз должен был стать одним из его пайщиков. Эта идея, впрочем, не осуществилась — помешали связанные с так называемыми мюнхенскими соглашениями события, разыгравшиеся осенью 1938 г.—весной 1939 г., в результате которых Чехословацкая республика перестала существовать как независимое государство.

Протоколы проходивших тогда заседаний правления, несмотря на декларировавшиеся союзом аполитичность и ней-

⁹Русский врач в ЧСР. — 1935. — № 9. — С. 228.

¹⁰Там же. — 1938. — № 1. — С. 4.

¹¹Там же. — 1937. — № 2—3. — С. 66.

¹²Там же. — 1938. — № 4. — С. 177.

тральность, отражают в какой-то мере сложности такого времени. Например, на заседании 27 августа 1938 г. (почему-то оно проходило в ресторане "Эрмитаж") среди других обсуждался и такой вопрос: "О курсе лекций по военной медицине". Видимо, всеобщая предгрозовая атмосфера, ощущение надвигающейся опасности не могли не затронуть и русских врачей. Было решено предпринять шаги к практическому осуществлению курса лекций по военной медицине. Очевидно, что и русские врачи — граждане Чехословакии готовились, если потребуется, послужить республике на поле брани.

К сожалению, все обошлось "тихо и мирно". В марте 1939 г. чешские области республики были оккупированы нацистской Германией (Словакия выделена как независимое государство) и возник протекторат Чехия и Моравия.

Конечно, далеко не все русские врачи в Чехословакии смирились с нацистской оккупацией. "Русские, бывшие воспитанники чешских высших школ, взяли на себя инициативу, — сообщали выходящие в Париже "Последние новости", — обращения к чешскому народу по случаю трагических событий, разразившихся в Чехословакии. Текст сочувственного адреса, который могут подписать все сочувствующие этому обращению, находится в редакции "Последних новостей". Через несколько дней состоялось специальное собрание бывших воспитанников чешских высших школ, подписавших обращение к чешскому народу: была избрана делегация для вручения этого обращения чехословацкому посланнику в Париже¹³. Есть основания считать, что среди подписавших это обращение были и русские врачи из Чехословакии.

К руководству "Союза русских врачей — граждан протектората Чехия и Моравия" (такое название получил союз в 1939 г.) пришли новые люди — с новыми жизненными ориентирами, с новыми устремлениями, с новым политическим мировоззрением. Об этом свидетельствовал коренным образом изменившийся медицинский журнал совета. За исключением единственной медицинской статьи да нескольких рефератов (только из немецких журналов), все опубликованные в нем статьи носили необычный, резко политизированный характер.

Например, приват-доцент И. Белецкий в статье "О новом политическом мировоззрении" критиковал "упадок национального государства и почти полное забвение национально-государственной идеи" как в условиях "классовой диктатуры марксистского государства", так и условиях "государства классов в современных демократиях". Автор выступал за "надклассовый, авторитарный характер современного возрождающегося государства", приветствовал "новую роль государства в народном хозяйстве, дающую основание говорить о тоталитарном характере нового государства". И хотя автор не называл этого "нового государства" с авторитарным, тоталитарным характером, на стороне которого были его симпатии, ясно, что речь шла о национал-социалистической Германии, о фашистском государстве.

Еще один пример. Доктор Н. Васильев в статье с характерным названием "Ренегаты", утверждал, что "отступникам русского дела не должно быть места в нашей среде; если они в Россию и приедут, то только как иностранцы и притом нежелательные... и мы заведем для них всякие пункты и параграфы"¹⁴. Во всем этом явно ощущался гестаповско-энкавэдэвский дух.

Новое руководство резко изменило отношения с союзом чешских врачей, об этом свидетельствовали открытые выпады в адрес его секретаря д-ра Гельбиха: "Идет новый подход на наше национальное самосознание. Господа Гельбихи и им подобные "советуют русским врачам, тем, которые хотят получить кассы или открыть ординации, признать себя нерусскими и заявить об этом". Казалось бы, речь идет о национальном достоинстве. Ан нет. На одном из заседаний нового правления в апреле 1940 г. рассматривалось "Дело коллеги С. А. Б., признавшего себя при народной переписи в 1930 г. чехом". Об этом "преступлении" вспомнили через 10 лет...

При создании союза считалось, что его цель состоит не только в защите материальных интересов, но и в духовно-культурном объединении всех врачей из России. В союзе стояли русские, украинцы, сербы, евреи и др. Но затем новое руководство решило "выдвинуть на первый план союза его русское национальное лицо". Исходя из этого стала проводиться новая политика. По словам председателя союза, новое правление "убедило, что новый уклад государственной жизни, т. е. учреждение протектората, поставило русских врачей в более выгодные условия". Это декларированное утверждение

призвано было оправдать пронемецкий, а на деле профашистский курс, который намеревалось проводить новое правление союза.

Новое правление поставило перед собой задачу организации "как внутри, так и вне союза широкого круга единомышленников", в том числе "как среди чехов, так и среди немцев"; акцент, разумеется, делался на немцев. К сожалению, считало новое правление, "упущен удобный момент в прошлом году (т. е. 1939), когда дружеские отношения с немецкими врачами могли быть легко завязаны. Прошлое правление по недостатку мужества и благодаря своей безличности не воспользовалось даже предложением руководящих немецких врачебных кругов. А ведь нельзя отрицать того, что близкие отношения с немецкими коллегами могли быть для нас только полезными во всех отношениях". Что касается русских организаций, то признавались лишь "национально активные организации, объединившиеся в русском национальном фронте, близком идеологии", все остальные считались для союза неинтересными. Впрочем, такую же политику проводили тогда и другие русские эмигрантские организации. Так, летом 1939 г. в Праге прошло собрание существовавшего там около 20 лет Общества русских инженеров и техников. Долголетний председатель правления проф. А. С. Ломшаков был отправлен в отставку. Пришедшее к власти новое правление объявило свою программу, в которой главным было "усиление национальной работы" и другие авторитарно-националистические, профашистские лозунги¹⁵.

Близкие к фашистам круги русской эмиграции благосклонно отнеслись к новому руководству союза врачей. Например, 19 апреля 1940 г. председатель союза был приглашен для личной встречи с генералом В. Б. Бискупским, начальником русской эмиграции в Великой Германии; на этой встрече были рассмотрены вопросы, касающиеся объединения русских организаций в протекторате. Видимо, встреча была успешной, так как через 3 дня 22 апреля председатель союза присутствовал на чае, устроенном в честь генерала В. В. Бискупского.

К сожалению, я не располагаю пока материалами о дальнейшей судьбе Союза русских врачей, в частности, о его деятельности в 1941—1945 гг. Правда, есть основания полагать, что вскоре после встречи в генералом Бискупским Союз русских врачей был распущен, а все русские организации в протекторате были "объединены". Во всяком случае именно так развертывались события во Франции в 1940 г. после ее оккупации гитлеровцами — там все русские эмиграционные организации были запрещены, а вместо них создано чисто полицейское управление по делам русской эмиграции во главе с откровенными фашистами. Скорее всего так же произошло ранее и в Праге. Впрочем, это только предположение, которое следует проверить документально.

Думаю, что если будут найдены материалы о русских врачах, то удастся документально доказать, что не в пример тем, кто запятнал себя сотрудничеством с фашистами, они в большинстве своем и тогда оставались патриотами, не шли на сделку с преступной властью фашизма, а многие активно боролись с ней.

Впрочем, о некоторых фактах известно и сейчас. Известно, например, что во время словацкого восстания 1944 г. в г. Банска-Бистрица — центре восстания — местный врач В. П. Каклюгин, член Союза русских врачей, по происхождению донской казак, ушел вместе с партизанами в горы, а когда повстанцы были в городе, предоставил свою квартиру в их распоряжение, оказывал им необходимую врачебную помощь. Самоотверженным партизанским доктором стал в Словакии русский врач А. Н. Желдаков — в 1937 г. он был членом правления Союза русских врачей, представлял там Словакию: во время восстания он попал в плен к фашистам и был расстрелян¹⁶. Убежден, что фактов участия русских врачей в движении сопротивления в Чехословакии было гораздо больше.

Такие факты, кстати, были и в других странах Европы, например, во Франции. Широко известно, что в 1940 г. в Париже Борис Вильде (1908—1942 гг.) и Анатолий Левицкий (1901—1942 гг.) — ученые-этнографы, работавшие в парижском Музее человека, создали боевую группу, которую они называли "Спротивление", отсюда и пошло название "сопротивление" во всех странах Европы. Фашисты арестовали обоих и 23 февраля 1942 г. расстреляли, а они были французскими гражданами, детьми русских эмигрантов¹⁷.

Русские эмигранты княгиня Вера Аполлоновна Оболенская (1911—1944 гг.), прославленная мать Мария, Ариадна Скряби-

¹³Последние новости. Париж. — 1939. — 21/III, 23/III, 26/III.

¹⁴Русский врач в протекторате Богемия и Моравия. — 1940. — № 4. — С. 25—17.

¹⁵Последние новости. — Париж. — 1939. — 28/III.

¹⁶Мейснер Д. И. Миражи и действительность. — М., 1966. — С. 260.

¹⁷Комин В. В. Белая эмиграция и 2-я мировая война. — Калинин, 1979. — С. 29.

на (дочь композитора) были участницами французского сопротивления, все погибли. Врач Анна Павловна Максимович, дочь генерала, возглавляла психиатрическую клинику, тоже участница сопротивления, тоже погибла¹⁸.

Были, разумеется, и другие факты. Это и неудивительно: разные были люди в российском медицинском зарубежье. "В памяти русского беженства (так в первое время называли эмиграцию) о проведенных им на чужбине годах навсегда ос-

танутся отзывчивость и радушие, встреченные им в славянских государствах, — писал в 1924 г. русский эмигрант В. В. Руднев. — Горячо откликнулась на нужды беженства Югославия, сильную помощь оказывает Болгария, но совершенно исключительную роль в деле помощи русскому беженству играет третье славянское государство — Чехословацкая республика"¹⁹.

Поступила 22.06.95

¹⁸Любимов Л. На чужбине. — М., 1963. — С. 343.

¹⁹Руднев В. В. Русское дело в Чехословацкой Республике. — 1924. — С. 5.